

Трапезникова Ольга Александровна

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В
ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/58.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 151-154. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Внимательное прочтение «Узника» и «Пророка» М. Ю. Лермонтова дает основание утверждать, что перед нами совершенно самобытные, оригинальные, самостоятельные стихи вполне зрелого мастера, трагического гения русской поэзии. Пушкинские стихи послужили ему, как это часто бывало в творчестве Лермонтова, отправной точкой, толчком для создания собственных произведений. Однако несомненно, создавая эти стихи, Лермонтов все-таки не был свободен от влияния Пушкина, но Пушкина позднего, Пушкина 30-х годов, так как без совершенного Пушкиным переворота было бы невозможно все дальнейшее развитие русской поэзии. Именно поздний Пушкин снял противоречие между повседневной и лирической, поэтической речью, сделав нестилевые, «бытовые слова потенциальными носителями лирического смысла» [1, с. 231]. Именно поздняя лирика Пушкина непосредственно воздействовала на лирику Лермонтова последних 3-4 лет жизни когда употребление нестилевых слов, отказ от стилизации стали для поэта осознанными эстетическими нормами.

Пушкинским принципам предстояло в лирике Лермонтова мощное и совершенно самостоятельное развитие. Если бы... Если бы 1841 год не стал последним в жизни поэта.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974.
2. Новиков Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста. М., 1979.
3. Новиков Л. А. О лингвистическом комментировании текста «Пророк» Пушкина // Анализ художественного текста. М., 1976. Вып. 2.

УДК 808.1

Ольга Александровна Трапезникова
ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 09-06-90709.

Настоящая статья посвящена вопросу исследования авторской модальности в древнерусском тексте. Проблема авторской модальности решается в науке преимущественно на материале современных текстов и текстов Нового времени. Применительно к периоду древнерусской литературы данная проблема является малоразработанной, несмотря на отдельные ценные наблюдения над текстами разных жанров. Обращение к ней многих исследователей (В. Н. Топорова, Н. С. Ковалева, М. В. Меркуловой, О. В. Старовойтовой, М. В. Пименовой и др.) свидетельствует, с одной стороны, об активном интересе к «человеческому фактору в языке», с другой - о внимании к отдельным компонентам текста как аспектам комплексного рассмотрения художественного произведения.

Авторская модальность, как отмечают исследователи (И. Р. Гальперин, Л. Г. Барлас, Н. С. Валгина, Н. А. Змиевская, В. Н. Мещеряков и др.), является неотъемлемым свойством художественного текста. Данная функционально-семантическая категория может быть определена, вслед за Н. С. Валгиной, как «выражение в тексте отношения автора к сообщаемому, его концепции, точки зрения, позиции, его ценностных ориентаций, сформулированных ради сообщения их читателю».

Авторская модальность воплощается в тексте с помощью единиц различных уровней языка: лексического, грамматического, синтаксического, а также «реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств».

Говоря о лексических средствах выражения авторской модальности, исследователи выделяют прежде всего эмоционально-окрашенную и экспрессивно-оценочную лексику.

Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова. Оценочный подход к миру является универсальным, как и познавательный. В связи с этим наиболее показательным в выражении «субъективности» оказывается эмоционально-оценочная семантика языковых единиц (В. Н. Телия, М. В. Ляпон, Н. Д. Арутюнова, В. И. Шаховский и др.), что связано с ценностной направленностью человеческого сознания. Исследователи подчеркивают, что аксиологическое суждение в большей степени характеризует субъекта оценки, нежели ее объект.

Категория оценочной (субъективной) модальности устанавливает связь, по словам В. Н. Телии, «между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т.п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [15, с. 23].

Выбор средств обозначения оценки характеризует того, кто ее совершает, по его личностным, межличностным и социальным аспектам. Как отмечает В. Н. Мещеряков, «характер отношения к действительности предопределяется индивидуальным, социальным и профессиональным опытом говорящего» [10, с. 18].

Оценочность и эмоциональность тесно связаны с понятием экспрессивности. «Эти понятия находятся в отношениях включения, - пишет А. М. Комарова [7, с. 32]. Экспрессивность, или выразительность, рассматривается в современной лингвистике как свойство речи, реализуемое в коммуникативном акте и служащее для привлечения внимания собеседника (Б. Н. Головин, Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова, Л. С. Ширина, И. В. Пекарская, Б. Я. Шарифуллин и др.) [14, с. 37].

По справедливому замечанию И. Р. Гальперина, «субъективно-оценочная модальность текста не проявляется в однократном употреблении какого-то средства». В связи с этим пристальное внимание исследователей (И. Р. Гальперина, Н. С. Болотновой, Л. Н. Чурилиной, Е. П. Воронцовой, И. В. Трещалиной, А. Н. Серебренниковой и др.) направлено на выявление повторяющихся единиц в тексте. Повтор смысла и средств, его обозначающих, является одним из приемов текстового выдвигания важнейших элементов содержания произведения, авторских «доминантных смыслов» (термин В. В. Пищальниковой).

Избирательность лексики во многом определяется жанром произведения, временем создания, литературным направлением. Поэтому особую важность приобретают слова, обнаруживающие в тексте разнообразие лексических связей, предполагающих отношения синонимии, антонимии, морфологической производности (однокоренные слова), семантической производности (возможные образные употребления данного слова). По словам А. И. Ефимова, «при изучении состава и роли общеупотребительных слов в произведениях писателя», составляющих базу его словотворчества, «особое внимание должно быть уделено полисемантизму слов» [5, с. 129]. Необходимость анализа семантической структуры многозначного слова связана с тем, что писатели «значительно расширяют смысловый объем слов, наделяя их новыми значениями или смысловыми оттенками» [Там же].

Исследование лексических средств, репрезентирующих авторскую модальность в древнерусском тексте, сталкивается с рядом методологических трудностей. Прежде всего это касается способов определения и выявления экспрессивных единиц текста, что связано с отсутствием стилистических словарей и грамматик в данный период.

В древнерусский период была широко распространена практика переписывания и редактирования текстов, нередко и целенаправленная их переработка. Тексты довольно часто подвергались спонтанным изменениям, «основанным, главным образом, на неправильном прочтении писцами отдельных слов» [11, с. 65]. Изменения, вносимые переписчиком, отражали, как пишет Л. П. Жуковская, «разные представления писцов о литературной норме своего времени (или своего княжества, города, монастыря, скриптории), а также стилистические замены». При этом важным оказывается то, что «каждая рукопись в какой-то мере отражает языковое сознание лица, ее переписавшего» [6, с. 12].

Следующая проблема обусловлена художественными особенностями литературы Древней Руси, «этикетностью» и «формульностью» ее стиля. Древнерусские книжники в своих произведениях обычно использовали традиционные словесные формулы, или «топосы» (Е. Л. Конявская). Этикетность проявляется в литературе также в изображении человека и ситуаций в соответствии с социальной нормой.

Многие исследователи, отказывающие древнерусской литературе в индивидуально-авторских проявлениях, ссылаются на данную особенность литературы Древней Руси (Ф. Лесур, А. С. Орлов и др.). Такие выводы связаны с результатами исследований текстов Нового времени, в которых признание оригинальности стиля, как правило, основывается на необычном использовании языковых норм словоупотребления, синтаксиса и т.д.

Однако оригинальность может проявляться и в рамках канона. Как отмечает Е. Л. Конявская, «традиция властвовала над личным голосом древнерусского автора. Но этот голос звучал сквозь штампы устойчивых формул и каноны жанра... в каждом конкретном тексте составляющие авторского комплекса представлены с разной полнотой и яркостью» [8, с. 193-194]. Такого же мнения придерживается П. А. Гринцер: «Древний и средневековый поэт...творит внутри канона...и канон предоставляет ему достаточно возможностей для самовыражения» [3, с. 87-88].

Исследование проблемы соотношения общего и индивидуального в лексической организации древнерусских текстов, выявление экспрессивно-оценочных и эмоционально-окрашенных единиц осуществляется в современной науке с опорой на обширную литературу, посвященную изучению отдельных аспектов проблемы: образной системы текстов (В. П. Адрианова-Перетц, В. В. Колесов, С. Матхаузерова, О. Ф. Конова-Лина, И. П. Смирнов), лексической вариативности (А. М. Молдован, Н. Г. Михайловская, Л. П. Жуковская), синонимии, антонимии (В. В. Колесов, Ю. А. Бельчиков), модально-оценочной лексики (Л. П. Дронова, Н. С. Ковалев, М. В. Пименова), этикетных формул (О. П. Лопутько, О. В. Творогов, Ф. Лесур, М. В. Пименова).

Анализ лексико-семантических связей позволяет выявить тонкие нюансы смысла в развитии темы произведения, дополнительные значения, привнесенные автором. В выявлении авторской модальности значительную роль играет изучение многозначных слов. По словам С. В. Друговойко, «путь древнерусского книжника при работе над словом есть путь реализации его семантической градуальности, экспликации в контексте *одного из возможных значений* многозначного слова» [4, с. 115] (разрядка - О. Т.).

Традиционные символы и образы христианской культуры нередко используются книжником в новых контекстах, что приводит к актуализации в них дополнительных значений. Характер этих значений и особенности трансформации традиционных образов приоткрывают позицию автора.

Творческая позиция автора особенно ярко проявляется на уровне метаязыковых высказываний. Суждения о языке (или «рефлексивы», по определению И. Т. Вепревой), помимо эксплицитной языковой информации, представленной в виде авторского попутного замечания о характере языковой единицы, ее стилистической принадлежности, репрезентируют и «глубинное» понимание слова, связанное с мировоззренческими и социокультурными установками общества. Одновременно язык является и объектом рефлексии субъекта, автора конкретного произведения. Поэтому любое «метавысказывание» репрезентирует в той или иной мере индивидуально-авторское восприятие языковых фактов. Как пишет А. О. Старовойтова, «изучение лексического уровня путем описания семантической микросистемы говорения... дает возможность сделать вывод об особенностях подачи автором соответствующего материала» [13, с. 22].

Таким образом, к числу лексических средств выражения авторской модальности в древнерусском тексте относятся: эмоционально-окрашенная и экспрессивно-оценочная лексика, образные средства, лексика метаязыкового характера.

На грамматическом уровне «первой опорной точкой для проявления субъективности», по выражению Э. Бенвениста, являются личные местоимения [1, с. 296]. Как отмечает О. В. Попова, «дейктический аспект» способствует проявлению авторского «Я» в тексте и «придает сообщаемому субъективный характер» [12, с. 104].

Помимо «очевидного субъективно ориентированного «Я» (Л. О. Чернейко), к «знакам авторства» относятся спряжение глаголов, порядок слов, а также лексические единицы, «в которых это «Я» присутствует имплицитно», включая наречия времени и места (Л. О. Чернейко, Е. В. Агафонова), т.е. те элементы языка, которые составляют категорию «персональности» (А. В. Бондарко). Как пишет А. В. Бондарко, категория персональности опирается на «глагольные и местоименные формы лица», а также включает в себя «иные синтаксические и лексические средства выражения лица» [2, с. 12].

Специфика выражения категории «персональности» в древнерусском тексте обусловлена тем, что автор редко говорит о своем имени и иногда скрывает его под цифрами. Древнерусский книжник не стремится к проявлению своей творческой индивидуальности. Он ставит мысль, раскрываемую в произведении выше своей личности. В связи с этим особую значимость представляет даже единичное употребление личного местоимения в тексте. При этом важным в методологическом плане представляется анализ контекстов, связанных с использованием данных форм, с учетом соотношения личных местоимений единственного и множественного числа.

Немаловажное значение имеет установление наличия модальных слов. Поскольку слова данной грамматической категории представляют собой довольно редкое явление в текстах древнерусского периода, сам факт наличия их в произведении непосредственно служит средством характеристики автора, его позиции и оценки.

На синтаксическом уровне авторская модальность наиболее явно проявляется в особенностях цитирования авторитетных текстов. Уже само явление перифраза, нередко встречающееся в древнерусских текстах, свидетельствует об активном осмыслении «чужого слова», включении его в личный опыт говорящего.

Таким образом, авторская модальность воплощается в тексте с помощью единиц различных уровней языка: лексического, грамматического, синтаксического.

Характер воплощения авторской модальности в художественном тексте обусловлен рядом факторов, к числу которых ученые относят прежде всего жанр произведения и тип повествовательной структуры (И. Р. Гальперин, Л. Г. Барлас, Н. С. Валгина и др.). Определение характера влияния данных факторов на особенности проявления авторской модальности имеет важное методологическое значение.

По словам Д. С. Лихачева, образ автора в литературе Древней Руси определяется жанром, и, соответственно, можно говорить об авторе Жития, авторе Хождения, авторе Слова. Тем не менее, сам Д. С. Лихачев отмечает, что «Слово о полку Игореве» «в гораздо большей степени, чем обычные произведения Древней Руси, отражает личные мнения и настроения автора» [9, с. 166]. В связи с этим ученый подчеркивает необходимость исследования каждого конкретного памятника с точки зрения особенностей выражения в нем личной позиции автора.

Древнерусского автора трудно назвать человеком, бесстрастно описывающим события. Тексты данного периода характеризуются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью в изложении материала.

Однако использование термина «автор» применительно к текстам древнерусской литературы имеет свою специфику, что обусловлено противоречивым характером авторства в данный период. Средневековые не знали авторского права и очень мало считались с авторским текстом. Анонимность и псевдонимность - специфическая черта древнерусской словесности. Вследствие этого исследователи более склонны использовать понятие «книжник» (Е. Л. Конявская, В. В. Бычков, М. В. Рождественская и др.).

Как представляется, книжник занимает промежуточное положение в ряду понятий «автор» (в значении «писатель») и «повествователь», поскольку в указанный период отношения между личностью писателя и его творческой ипостасью оказываются недифференцированными. Кроме того, древнерусский книжник выступает в тексте в качестве единого субъекта сознания (в отличие от множественности субъектов сознания в классической прозе), фокусирующий и объединяющий в себе частные «субъектные перспективы» (Н. К. Онипенко): субъекта знания и мнения, субъекта воли и речи, субъекта эмоций и оценок. В связи с этим и понятие авторской модальности применительно к текстам данного периода приобретает дополнительное содержание.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 226 с.
3. Гринцер П. А. Литературы древности и средневековья в системе исторической поэтики // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986.
4. Друговейко С. В. Лингвостилистический анализ отрывка из «Слова на Фомину неделю» епископа Кирилла Туровского // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998.
5. Ефимов А. И. О языке художественных произведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. 288 с.
6. Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
7. Комарова А. М. О соотношении субституции и экспрессивности (на материале английского языка) // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.
8. Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI - середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. 199 с.
9. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3-х т. Л.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 520 с.
10. Мещеряков В. Н. К вопросу о модальности текста // Филологические науки. М., 2001. № 5.
11. Молдован А. М. Лексический аспект в истории церковнославянского языка // Вопросы языкознания. М., 1997. № 3.
12. Попова О. В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.
13. Старовойтова А. О. Языковая личность и способы ее выражения в древнерусском тексте (на примере «Рассказа о смерти Пафнутия Боровского») // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1998.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
15. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

УДК 811.411.16'02

Екатерина Васильевна Трубеева
Российский университет дружбы народов

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СЮЖЕТА ГРЕХОПАДЕНИЯ
В БИБЛЕЙСКОМ ТЕКСТЕ©

Первая легенда о райском саде, о блаженном месте, представляющем собой прекрасный цветущий и плодоносящий сад, появляется в шумерской литературе. Вариация этого же архетипа содержится в древне-еврейской культуре: это Сад Блаженства (Гад Эден) - Эдемский Сад, созданный Богом для своего высшего и любимого создания - человека (Адама Первоначального, воплощающего все человечество, человека вообще и разделенного затем на женщину и мужчину). Здесь, в Эдеме, согласно Библии, происходит первое испытание свободы воли человека, закончившееся грехопадением - нарушением воли Божьей, выразившемся в том, что первые люди отведали запретный плод с Древа Познания добра и зла. Тем большую сенсацию произвело шумерское сказание «Энки и Нинхурсаг» (Меж градов пресветлых...), впервые изданное еще в 1915 г., однако ставшее доступным пониманию только в 1945 г., когда профессор Крамер опубликовал новый вариант текста и дал его первую интерпретацию [4, с. 3-35]. Как оказалось, сказание содержит ряд удивительных параллелей со стихами Книги Бытия, описывающими состояние только что сотворенной Богом земли, орошаемой дождем, а также библейской притчей о грехопадении (Быт 3).

Миф о Дильмуне - это не только миф о райском саде, но также миф об упорядочении мира, прежде всего - самого процесса рождения в его сексуальном, физиологическом смысле, о введении неупорядоченного в начале мира в упорядоченный космос, о переходе от состояния варварства к состоянию культуры.